

Схемы аргументации: «риторика, выручай!»

Г. В. Карпов

Санкт-Петербургский государственный университет

glebsight@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются недостатки подходов к аргументации, в которых для анализа аргументов используются коллекции презумптивных схем. Основанием этих недостатков объявляется предубеждение против риторики, которое питает значительная часть специалистов, занятых теориями убеждения. Это предубеждение я надеюсь побороть хотя бы отчасти, указав, вслед за деятелями второго риторического ренессанса, пришедшегося на самое начало XXI века, на ряд инструментов классической риторики (прежде всего — так называемых фигур мысли и речи), функция которых отнюдь не орнаментальна. Те преимущества, которые показывает анализ аргументации «на фигурах», свидетельствуют о необходимости пересмотра всего арсенала презумптивных схем и всей сопровождающей его методологии. DOI: 10.52119/LPHS.2024.31.19.006.

Ключевые слова: презумптивная схема аргументации, риторическая фигура, энтимема, контраст.

Argumentation Schemes: Rhetoric, Help!

Gleb V. Karpov

St Petersburg University

Abstract. We consider the weaknesses of approaches to argumentation that use sets of presumptive schemes to analyze arguments. The basis of these weaknesses is declared to be a prejudice against rhetoric which is held by a large proportion of scholars working on theories of persuasion. At least in part I hope to overcome this prejudice by pointing out—following the second rhetorical renaissance movement, which took place at the very beginning of the twenty-first century—a number of instruments of classical rhetoric (primarily the so-called figures of thought and speech) whose function is not at all ornamental. The advantages that the figurative analysis of argumentation shows give ground for believing that there is a need to revise the entire arsenal of presumptive schemes and the methodology that supports them.

Keywords: presumptive argumentation scheme, rhetorical figure, enthymeme, contrast.

Уничижительное отношение к риторике получило широкое распространение в советской комментаторской литературе. В негативном тоне пишет об «искусстве красноречия», например, М. Гаспаров — во вступительной статье к изданию риторических трактатов Цицерона. В издании «Эфиопики» Гелиодора комментатор и вовсе доходит до того, что сравнивает горгиевы фигуры (антитезу и гомеотелевтон) со слогом капитана Лебядкина, признавая за ними выполнение исключительно эстетической функции, которое, впрочем, тут же объявляется неудовлетворительным. О том определении, которое дано в сопроводительных материалах к «Античным риторикам» собственно фигурам — объектам первостепенным во всяком риторическом хозяйстве, — нечего и говорить: в нем смешались в кучу аналитика, диалектика и риторика, форма и содержание, «как» и «что».

С этим багажом представлений о риторике мы, занятые изучением аргументации, вступили в XXI век. Сегодня, когда расцвет исследований в нашей области уже прошел свою высшую точку и когда, более того, наметились некоторые кризисные явления (и среди них, прежде всего, догматизм, редукционизм и антиисторизм), самое время пересмотреть советское и позднесоветское отношение к «искусству красноречия», с тем чтобы открыть в риторике источник

новых сил, нацеленных на преодоление хотя бы части трудностей, с которыми сталкиваются и разработчики, и пользователи теории аргументации, ее многочисленных подходов.

Узлом, в котором переплетаются указанные кризисные явления, практика применения аналитических и оценочных процедур в отношении к аргументам и теории, направляющие эту практику, можно считать поиск и последующую экспликацию аргумента в речи или тексте. Достаточно мощным инструментом здесь выступают презумптивные схем — квазиформальные модели аргументов, обширный перечень которых составляет ядро значительной части подходов к аргументации, во всяком случае — всех диалектических. Несмотря на то что презумптивные схемы аргументации играют видную роль на академической и исследовательской сценах уже четверть века, их критическая рецепция — дело сегодняшнего и завтрашнего дней. (Едва ли не первый систематический и основательный обзор этого инструмента поиска, оценки и анализа аргументов был дан всего несколько лет назад [3].) Одна из трудностей работы с презумптивными схемами заключается в том, что анализ аргументации, осуществляемый исключительно их средствами, оставляет без внимания значительную часть материала явно убеждающего свойства как не подпадающую ни под одну из известных моделей. Противопоставления, риторические вопросы, вообще разнообразные фигуры, служащие утверждению мыслей (например, ипотипозис, исчисление всех подробностей происшествия¹⁰), не схватываются презумптивными схемами, а значит — не рассматриваются тем, кто использует этот инструмент, как собственно аргументы. В итоге живой, не лабораторный текст, положим на 1000 слов, зачастую объявляется не содержащим аргументов на том основании, что в нем не удалось обнаружить известные (числом от пятнадцати до ста) виды презумптивных схем. И он тем не менее, как правило и по достаточно очевидным причинам, не может быть признан лишенным убедительной силы. В чем заключается ее источник?

Ответ на этот вопрос, от которого еще относительно недавно специалисты в области аргументации, некоторая часть зарубежных и значительная часть отечественных (ведомых в лучшем случае методологическими правилами своей школы, а на самом деле и скорее всего — просто догматическими убеждениями¹¹) отмахнулись бы, сводится к упоминанию одной почтенной дисциплины, которую сегодня Дейдра Макклоски обозначает, с понятными в свете представлений о культуре политкорректности США коннотациями, термином *r-word*, «эр-слово» — так, как будто упоминание того, что обозначает слово на букву «эр», следует считать чем-то выходящим за рамки приличия во всяком позитивистском, или сциентистском, или формалистском, а потому авторитетном академическом дискурсе. И это совершенно напрасно.

Сегодня риторика переживает свое уже третье рождение, после двух вторых, инициированных Х. Перельманом и затем Ф. ван Еемереном. Его следствием оказывается критическое отношение, пересмотр основных понятий теорий аргументации, таких как ошибка, невыраженная посылка или схема, а его содержанием — ревизия в первую голову античного риторического наследия, и прежде всего — фигур, с целью найти в их множестве те, которые оказывают убеждающее воздействие, аналогичное по силе и, главное, по характеру воздей-

¹⁰ Фигура, которую, казалось бы, «схемы» игнорируют, но которая вдруг все же упоминается в их использующих подходах — как одно из условий, гарантирующее состоятельность модели аргумента, известной под названием «скользкий склон». «Что еще нужно упомянуть для того, чтобы последовательность событий, которую описывает посылка аргумента, выглядела как можно более правдоподобной?» — так звучит один из проверочных вопросов «скользкого склона» [4: 110].

¹¹ Что не может не вызывать удивление в свете известного противопоставления догматического и критического, а также того факта, что некоторые теории аргументации и называют себя собственно критическим (*critical*).

ствию привычных презумптивных схем.

Так, например, Дж. Фанесток [1] утверждает, что значительная часть риторических фигур — это аргументы, данные в своем сокращенном виде. Тем самым известное наблюдение о сходстве между метафорой и аналогией, риторической фигурой и схемой аргументации получает свое естественное и ожидаемое обобщение и распространяется на градацию, повтор, антитезис, полиптотон и даже оноματοпею и на соответствующие им аргументативные схемы. В этом же русле движутся и рассуждения М. Крауса [2], когда фигура контраста из «Риторики для Геренния» (Псевдо-)Цицерона, цицероновой «Топики» и квинтилиановых «Наставлений оратору» объявляется не столько риторической фигурой в привычном понимании, выполняющей орнаментальную функцию, сколько полновесным видом аргумента, которому, кроме того, в античной, доаристотелевской традиции, ныне почти забытой, соответствует структура, известная под именем *энтимемы* или аргумента из противоположностей. И если это справедливо и контраст — это не столько ораторский аксессуар, сколько то, что стоит в основании убеждающей практики, то следует предположить, что и прочие фигуры из обширных античных каталогов выполняют те же задачи.

В самом деле, если предпринять обзор 64 фигур, упомянутых в «Риторике для Геренния», то можно увидеть, что эти как бы средства украшения речи, выполняют функции, аналогичные тем, что записаны за тремя нетехническим способами убеждения из «Риторики» Аристотеля: одни фигуры убеждают, так как демонстрируют характер говорящего, другие — через воздействие на настроение слушателя, третьи — посредством самих себя, т. е. силой заключенных в них мыслей, относящихся с предметом речи.

Например, *апострофа* вселяет в слушателя негодование или печаль; *удвоение*, *разрешение* и *описание* используются для того, чтобы вызывать у аудитории жалость; *уподобление* может способствовать зарождению в слушателях ненависти. Напротив, *откровенность*, *принижение* или *выбор* служат средствами, которые использует оратор для того, чтобы убедить свою аудиторию в том, что он обладает всеми необходимыми оратору добродетелями: серьезностью, скромностью и осторожностью. Наконец, фигура *постановки вопроса* усиливает аргумент, который только что был представлен, *сентенция* вызывает молчаливое одобрение слушателей, *хиазм* создает мнимые следствия между суждениями, а *вывод* используется для того, чтобы изложить все необходимые следствия сказанного ранее.

Как видим, риторические убеждающие модели, известные под именем фигур, распространяют свое влияние далеко за пределы задач, связанных с обработкой языка. Если сравнивать их с презумптивными схемами, то следует признать, что они служат куда более универсальным и надежным инструментом поиска и анализа способов рассуждать и доказывать, убеждать и спорить. Презумптивные схемы, напротив, выглядят фрагментарным конспектом античных риторик, где смешаны элементы древних топических систем, и классификации фигур, где *энтимема* продолжает мыслиться как сокращенный силлогизм, выпущенная посылка которого может быть восстановлена за счет следования силлогистическим правилам, изложенным в «Аналитике», и где учение о нравах и страстях получает рудиментарное воплощение в содержании части проверочных вопросов, выражающих, кроме того, ходячую мудрость, всего только азбучные истины, почему-то ассоциируемые сегодня с «критическим мышлением».

С учетом последних достижений второго риторического ренессанса, свидетелями которого мы все являемся, подходы к аргументации, по-прежнему занятые собиранием и упорядочиванием схем, следует подвергнуть деконструкции, а потом повторному монтажу — так, чтобы триединая риторическая цель: привлечь нравом, убедить доводом и тронуть чувством — те-

ми, кто занят анализом аргументации или разработкой и исследованием соответствующих теорий, никогда больше не терялась из виду.

Литература

1. Fahnestock J. Figures of Argument. *Informal Logic* 24.2, 2004, p. 115–135.
2. Kraus M. From Figure to Argument: Contrarium in Roman Rhetoric. *Argumentation* 21, 2007, p. 3–19.
3. Lumer C. An Epistemological Appraisal of Walton's Argument Schemes. *Informal Logic* 42.1, 2022, p. 203–290.
4. Walton D. *Fundamentals of Critical Argumentation*. Cambridge University Press, 2006.

Финансирование. Доклад содержит результаты исследований, выполненных в рамках проекта РФФ 20-18-00158 «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора» в Санкт-Петербургском государственном университете.